

Галия Мавлютова

**ОДНА
МАЛЕНЬКАЯ
ЕВРЕЙСКАЯ
ЖИЗНЬ**

Санкт-Петербург   АЛЕТЕЙЯ   2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6-4
М12

Мавлютова Г. С.

М12 Одна маленькая еврейская жизнь / Г. С. Мавлютова. — СПб. : Алетейя, 2010. — 232 с.

ISBN 978-5-91419-420-5

Это история о жизни трех поколений одной маленькой семьи. Главным героем книги является семья Сырцов — дедушка Соломон Сырец, отец Владимир Сырец и сын Семен Сырец. События романа происходят в Невском районе Санкт-Петербурга (в районе еврейского кладбища и улицы Бабушкина). Роман раскрывает хитросплетения сложных семейных отношений.

«...Иногда Сырцу вспоминалось прошлое. Это случалось в самые трудные минуты его жизни. Ему казалось, что он помнит все, что происходило в тот вечер. Иначе и быть не могло. Ведь он лично присутствовал в благословенный миг собственного рождения...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6-4

ISBN 978-5-91419-420-5

9 785914 194205

© Мавлютова Г. С., 2010
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2010
© «Алетейя. Историческая книга», 2010

Часть первая

ВОКРЕЩЕННЫЙ В КРЕСТЫ

По Арсенальной не проехать, даже припарковаться негде, набережная плотно забита автотранспортом. В этих краях дешевым автомобилям и простым пешеходам нет места. Пространство от Невы до Крестов забито дорогими иномарками. «Адвокаты понаехали, — разозлилась Наташа, выглядывая из окна машины. — Опять придется в очереди задыхаться». В это утро она поставила будильник на половину шестого. Осенью трудно просыпаться, но сегодня сложный день, хотелось встать пораньше, чтобы опередить всех. Но не успела, вездесущие адвокаты обогнали. В приемной следственного изолятора шумной сворой толпились полусонные защитники конституционных прав граждан. Их можно было разделить на две группы. Одну составляли солидные граждане в возрасте, преимущественно женщины, во второй народ был поменьше, потоньше и помоложе, но тоже в основном девушки. Из этого проистекали печальные выводы: адвокат сугубо женская профессия и по этой причине можно в любую минуту ожидать скандала. Женское сословие предпочитает поспать подольше, а сегодня оно явно недобрало добрую порцию сна, и по этой причине выглядело весьма мрачно и бледно. У противоположной стены к окошечку выстроилась другая очередь, состоявшая из разновозрастных мужчин, застывших в странных позах. Но бодрости и там не наблюдалось. Какое безрадостное и унылое зрелище! Угораздило же попасть в компанию хмурых людей промозглым ранним утром — даже обратиться к ним боязно, они явно не поймут вопроса. У следователей и оперативников в изоляторе

свои резоны, да и очереди у них поменьше, чем у адвокатов, но приемная тесная, народу набилось много, дышать нечем, а кондиционеры в Крестах не предусмотрены. Наташа подошла к мужчине в форме капитана милиции. Он выглядел приветливее остальных. Хотя тоже не подарок.

— Вы последний? — сказала она, с трудом скрывая легкий зевок.

Мужчина, глядя на нее, сначала сладко зевнул, затем молча кивнул, но Наташа не обиделась, понятное дело, сработал эффект подражания. Капитана завел Наташин зевок, он не способен выговорить слово «да», у него случились проблемы с речью. Придется потерпеть великое стояние. Наташа старалась думать о чем угодно, только не о работе. Непрерывно вздыхая, она пыталась забыть о предстоящем допросе. «Отличную работу выбрала, то зеваю от недосыпания, то вздыхаю от безысходности», — подумала она.

Наташа Коренева ездила в Кресты уже третий месяц, как на службу. Поездки были мучительными и выматывающими. Уголовное дело, находившееся в производстве Кореновой, числилось в ведомстве добротным «глухарем». В столице такие дела обзывают «висяками», в Петербурге же им присвоили прозвище из мира птиц. «Глухарь» — он и есть «глухарь», вечный, то есть. В следственном изоляторе Наташу ждал обвиняемый по уголовному делу. При воспоминании о предстоящем допросе ее слегка затошнило. На завтрак мама приготовила ей кашу из заваренной овсянки, пытаясь спасти нежный желудок дочери от предстоящей язвы. Заботливая родительница считает язву желудка профессиональным заболеванием следователей. И вполне справедливо считает, но овсянка, даже заваренная, не в состоянии скрасить печальную действительность. Любая еда в Крестах превращается в яд.

— Ваши документы! — неожиданно резко прозвучал окрик. Наташа нервно вздрогнула: слишком оглушительно прозвучал крик, будто Кресты взорвались.

Коренева и не заметила, как подошла ее очередь. Сонный капитан куда-то испарился. Она обернулась, сзади никого. Оказывается, бесконечная очередь уже рассосалась. Так всю жизнь можно проспять и никуда не успеть. Наташа протянула в окошечко удостоверение с российским гербом на обложке. Упитанная молодая прапорщица в зеленом форменном платье недовольно поджала пухлые губы. Это были всем губам губы, чрезмерно пухлые, они словно перекишшее тесто, вылезали из всех щелей, им явно было тесно в природной посудине. Наташа покраснела. Прапорщица открыто выражала утреннее недовольство: выражение лица зверское, а глаза извергают молнии. Это дурной знак. Злая женщина опаснее бомбы: внезапно рассердившись, она непременно соорудит какую-нибудь гадость, например, назначив время допроса на вторую половину дня. В результате целый день будет убит неизвестно на что. И на работу не добраться, дорога туда забита пробками, и в Крестах не насидишься – там и присесть-то негде. Придется в машине торчать, ждать у моря погоды, пока прапорщица сменит гнев на милость. А все-таки губы у нее не от природы такие, явно в них что-то закачали. Вот откуда у бедной прапорщицы деньги на роскошный биогель? С этой риторической мысли Наташу сбил новый вопрос: «К кому идете?». Было в этом окрике что-то двусмысленное, скабрезное, будто Наташа просила следственную комнату для любовного свидания.

– К Сырцу, Сырец его фамилия, – ответила Наташа на окрик, еще больше краснея от неловкости ответа.

Снова комплексы разыгрались. Нет, она не имеет права работать следователем. «Завтра же подам рапорт на увольнение, сначала напишу, а после, чтобы дотла сжечь все корабли, зарегистрирую в канцелярии – и на стол начальнику РУВД. Нет, не завтра. Зачем ждать еще одну ночь? Снова мучиться бессонницей, ворочаться с боку на бок, изводиться мыслями... Не буду откладывать на завтра. Сегодня же, как только вернусь из Крестов, сразу напишу рапорт. А лучше сделаю это прямо

в машине», — подумала Наташа. От предстоящей перспективы стало легко на душе, словно она сладко выпалась, как когда-то давно в беззаботной юности, без навязчивых кошмаров и страшных сновидений. Рапорт подразумевал свободу во всех отношениях, включая свободу выбора. На прощанье Наташа решила устроить разъяренной женщине за барьером маленький скандал. Мило улыбаясь, она кивнула прапорщице на пухлые губы. Дескать, зачем ты, бедная, гель туда закачала, совершенно напрасно вбухав в такое неблагородное дело большие деньги — даст Бог, в последний раз такой кошмар вижу. Больше я в Кресты ни ногой, никакого бензина на вас не напасешься.

— Иди-иди, милая, — злобно хихикнула прапорщица, и в это момент мерзко лязгнул старинный засов. Тюремные двери распахнулись. Наташа вздрогнула. За три месяца так и не привыкла к этому звуку — он страшный, какой-то потусторонний. От него сердце колотится и нервно бьется, как птичка в клетке.

В помещении, где оформлялись передачи, стояла густая, длинная очередь, над которой сгущалась атмосфера глухого, невыразимого горя. Весь двор был окутан дымкой тоскливого ожидания. Наташу передернуло. Лучше за версту обойти людскую беду — глаза бы не видели, уши бы не слышали. Но здесь на каждом шагу столько горя, что оно вползает в душу ядовитой змеей. Подальше от чужого несчастья, подальше: сейчас небольшой путь по двору, затем подъем по крутой лестнице, проверка, еще раз проверка, третья проверка, наконец, последнее испытание перед Голгофой. Молодой прапорщик приветливо кивнул Наташе (видимо, запомнил ее с прошлого раза) и провел ее в самый конец длинного коридора. Ровный ряд дверей, в каждой торчит ключ, в следственных комнатах уже сидят старательные следователи и вездесущие адвокаты. Прапорщик остановился, вставил ключ, повернул его, вновь послышался вынимающий душу лязг замка, и дверь распахнулась. В Крестах двери не открываются. Они всегда распахиваются.

Наташа прошла в комнату. Сейчас приведут обвиняемого. У нее еще осталось время на подготовку к допросу, но ей не нужно было готовиться, Наташа привыкла к этой комнате. В течение трех месяцев подследственный не ответил ни на один вопрос в рамках дела. Он слишком высокомерен, а взгляд у него пронзительный, переполнен презрением, — но он прячет свое отношение к юной следовательнице за маской деланного равнодушия. Скорее всего, он не доверяет Наташе из-за ее возраста. Коренева достала зеркальце, поправила помаду, челку, взгляделась, раздумывая, нужно ли и можно ли поправить что-то еще, но не нашла. Вид безупречный. Да, слегка сонный, но это вполне нормально для поздней осени. Вот скоро переведут стрелки часов на целое деление назад — и жить станет легче, хотя бы не так мучительно будет просыпаться по утрам. О, Господи, о чем она думает? Сейчас приведут Семена, а у нее нет наготове ни одного вопроса. Наташа достала папку с бумагами, и в этот момент нервно взвизгнул замок. От неожиданности Наташа вздрогнула и уронила папку, по полу в разные стороны разлетелись листы бумаги, фирменные бланки, скрепки, ручки. Пришлось на четвереньках собирать рассыпанное следовательское хозяйство.

— Коренева, принимай! — весело крикнул прапорщик.

Наташа снизу покосилась на дверь. Семен Сырец стоял впереди конвоира, слегка расставив ноги, чуть покачиваясь на носках. Краешек правой губы слегка вздернут. Он улыбался. То ли радуется свиданию, то ли издевается. Скорее всего, издевается. Наташа примерила роль жертвы, ей понравилось. Пусть издевается. Ему же хуже, он не выйдет отсюда, если она этого не захочет. А она пока не знала, хочет ли, чтобы Семен Сырец вышел из Крестов. Поднимаясь с колен, Наташа еле заметно кивнула. Дескать, располагайтесь, присаживайтесь, куда посадят.

— Коренева, вам часа хватит? — вполне нормальный вопрос для следственного изолятора, но Наташе вновь почудилось что-то неприличное. Эта тюрьма — гнилое место. Все здесь кажется

ненормальным, нетипичным, нечеловеческим. Обычные слова приобретают двоякий смысл, люди превращаются в привидения, а красивые мужчины – в арестантов.

– Да, хватит, спасибо, – еле слышно сказала Коренева, боясь встретиться взглядом с Семеном. Обвиняемый сразу догадается, что творится в ее душе, стоит ему посмотреть ей в глаза. Лишь мельком взглянет – сразу все девичьи тайны узнает. Прапорщик закрыл дверь. Злобно клацнул металл. Наконец, все стихло.

– Наталья Валентиновна, позвольте? – сказал Семен, покачиваясь на носках. «Обвиняемому не позволено качаться на носках. Есть специальная инструкция», – подумала Наташа, но вслух ничего не сказала, только молча кивнула, – дескать, садитесь, Семен Сырец. Вам приготовлен специальный стул. Он намертво привинчен к полу. Наташа решила не сдаваться: как он, так и она. Правую губу наверх, чуть вздернуть, на лицо нацепить брезгливую мину, в глаза обвиняемому не смотреть. Она боялась, что он прочитает все, что творится в ее душе. Коренева принялась точить себя изнутри. В таком состоянии может помочь только аутотренинг: осталось отсидеть в Крестах ровно один час. Один час. Один час. Один час. И все, конец дежурству. Всего лишь через шестьдесят минут можно будет сдать Семена Сырца конвоиру. А после наступит свобода. Нужно быстро выскочить из Крестов, мысленно затыкая уши, чтобы не слышать ненавистный лязг замков, затем молнией выбраться из тесного пространства Арсенальной набережной и приткнуться где-нибудь в сторонке, чтобы пустить наедине две-три скупых слезинки. Наташа с трудом сдерживалась, чтобы не разреветься от обиды на себя. С первого дня расследования она была безнадежно влюблена в обвиняемого, но не хотела признавать очевидного факта, отказываясь верить даже самой себе.

– Наталья Валентиновна, вы что, не выпались? – сказал Семен. – Неважно выглядите.